

ПИОНЕР

КАЧКАНАР НАЧИНАЕТ СВОЮ ИСТОРИЮ

Борис ВОЛОДИН

Фото В. Мартынова.

ТАК ОН
ВЫГЛЯДИТ
СЕГОДНЯ

Вышел я из поезда, а станции нет! Поезд остановился прямо на строительной площадке.

На соседнем пути — платформы. Краны снимают с них бетонные плиты, железные балки, ящики с механизмами. А чуть подалее видно почти готовое здание — будущий бетонный завод.

За стройкой вверх по склону двухэтажные белые домики — поселок. А кругом тайга и горы.

Идешь по Качканару, не мешкай! Все кругом кипит. Деловитые грузовики вереницей идут с поклажей и дудят, сердятся: «Не путайся под ногами!».

Мне захотелось сверху, с горы, посмотреть на стройку. За крайним домом поселка дыбились выдранные из земли огромные пни и серые валуны. Дальше уже был лес.

Парень в брезентовом плаще бежал мне навстречу, топая резиновыми сапогами. Схватил за плечо:

— Куда? Ну, куда идете?!

Толкнул за угол дома, уставился на секундомер, зажатый в горсти. Он чего-то ждал, нетерпеливо, нервно. Пробормотал: «Время-то вышло». Но тут наконец грохнуло: взлетели комья грунта, коряги, камни. Оказывается, готовили строительную площадку, отвоевывали ее у тайги.

Все, что здесь есть сегодня, создано за два года: и бетонный завод, и дороги, и Дом культуры, и школа, и больница, и магазины.

Но история Качканара только еще начинается. Здесь будет огромный горный комбинат: железные рудники и обогатительная фабрика.

Эту замечательную стройку возводят комсомольцы.

«НЕ МОГУ
БЕЗ
КАЧКАНАРА!»

Гранта Асцатуряна я отыскал в общежитии. Вот мы стоим с ним в комнате. Пол блестит, как корабельная палуба. Койки заправлены по-военному.

Гена Лыженков отправляет в рейс Гранта Асцатуряна.

машиной, как за любимой, нужно ухаживать, чтобы так получилось.

Знаете, какая у меня машина? Новая, самосвал. Ходит резво, плавно, как скакун карабахский. Какое счастье — такая работа!..

Вдруг Грант замолкает, он смотрит на часы:

— Простите меня, пожалуйста. Через десять минут мне в гараже быть нужно. Смену принимать.

Ладонь у Гранта большая, теплая. Кожа на ней потемнела от въевшегося автола. Он осторожно пожимает мне руку, он боится сделать больно, потому что рука у него очень сильная. Грант — штангист. Он всех своих товарищей уговаривает заниматься тяжелой атлетикой.

«СПРЯТАВШИЙСЯ»

Тайга здесь такая, что прямо дух захватывает: березняк, ели, кедры. Деревья, правда, не очень высокие, но растут густо, да еще тут бурелом да кустарник — не продерешься!

Место гористое. С холма смотреть — вдалеке хвойные верхушки сливаются, словно зеленые волны катятся вниз и вверх, и белые березовые стволы проглядывают, как пена, и вдруг из волн вырывается ввысь каменистая лобастая сопка. Будто скала на море...

Когда сюда пришли геологи, им временами мешали работать медведи. Они выходили из таежной чащи и задумчиво присматривались к гостям, к их инструментам. Медведи никак не могли, например, понять, что это за штука — буровая вышка.

Не всякий может спокойно встретить хозяина качканарской тайги. Медведей отпугивали выстрелами или запускали мотор электрического движка. А бывало и так, что при встрече один на один геолог улепетывал, бросив инструменты и собранные образцы породы.

И сама-то гора Качканар похожа на спину зверя. Деревья торчат, как клочья свалявшейся шерсти. Рядом две «спины» поменьше — Гусевы горы.

Окружен Качканар торфяными болотами, спрятавшись в тайге, чтобы не увидели, не пробрались к его сокровищам.

«Качканар» — по-татарски «спрятанный»...

Сними, человек, шкуру с Качканара и Гусевых гор: под тонким слоем земли на сотни метров вглубь — железная руда!

...О том, что близ горы Качканар залегают «сильные магниты», написал еще в 1770 году академик Петр Симон Паллас. Во многих местах здесь обнаруживали пласты «шлира» — окиси железа, которую сразу можно плавить в домне. В старину «хозяева» Урала капиталисты Демидовы строили здесь шахтенки. Рабочие кайлами добывали руду. Ее на санках отвозили к заводам. Но пласты «шлира» быстро вырабатывались. Шахтенки забрасывали.

Качканар хитро прятал свои богатства. Блуждали магнитные стрелки, твердили: «Руда! Руда!» А люди десятки лет не могли отпереть горные кладовые.

Оказалось, что руда рассеяна в каменной породе мелкими крапинками. В шести кубометрах камня всего один кубометр магнетита. Чтобы заполучить в руки железо, нужно перетереть в порошок Качканар и Гусевы горы и отсеять ценный магнетит от каменной пыли...

Сорок лет назад такую мысль назвали бы фантазией, маниловщиной. Но так будет. Ведь, даже по неполным подсчетам, здешние запасы огромны: больше семи миллиардов тонн. Восемьдесят процентов железорудных богатств Урала!

Машины-гиганты разотрут горную породу в тон-

чайший порошок, и электромагниты извлекут из него руду. Ключ к Качканару — замечательная техника социализма.

РОЖДЕНИЕ

27 мая — день рождения качканарского строительства.

27 мая 1957 года на рассвете из поселка Валериановский двинулась через тайгу группа первых качканарцев — семьдесят человек.

Сразу за околицей Валериановского — болото.

Местные жители даже побоялись дать лошадей: утонут! А люди пошли, с пилами, топорами, лопатами. Прорубались сквозь бурелом, валежником заваливали торфяную топь.

Шли. Видели деревья с корой, ободранной на высоте человеческого роста: медведи озорничали. Время от времени на полянах скидывали одежду, стряхивали с нее клещей, осматривали друг друга: не впился ли в тело крохотный враг? Ведь клещи — переносчики тяжелой болезни — таежного энцефалита...

Теперь медведи ушли отсюда, испугались взрывов, загрохотавших в болотах, когда, прокладывая дороги, аммоналом разворачивали торф и выкорчевывали огромные пни. Исчезли клещи, грозившие энцефалитом. Целый месяц в небе над Качканаром стрекотал невиданный лесными обитателями огромный жук-вертолет. Он распыливал тончайший порошок «ДДТ». Триста двадцать тонн порошка — и в окрестностях были уничтожены не только клещи, но и другой бич тайги — комары, гнус.

Сейчас прямо к стройке — железнодорожная ветка и автодорога. От Валериановского к поселку строителей можно проехать за двадцать минут. А 27 мая 1957 года много часов ушло на опасный путь и на тяжелый труд, прежде чем в лесу, на склоне горы, разведчики, сверившись с картой, сказали: «Здесь!»

Здесь по плану должны были встать дома и улицы. Здесь начальник будущего горного комбината Виктор Петрович Дерягин наткнулся в траве на гнездо рябчика. Серая курочка сидела на яйцах. Волновалась. Ерошила перышки. Жмурилась от ужаса, а не улетала, не оставляла без защиты будущих своих птенцов.

Гнездо не тронули. Только сфотографировали.

Рядом с ним поставили первый шалаш. Шалаш сменила палатка. Палатку — дом. Первый дом поселка строителей. Теперь у него есть номер: дом № 26 по Качканарской улице.

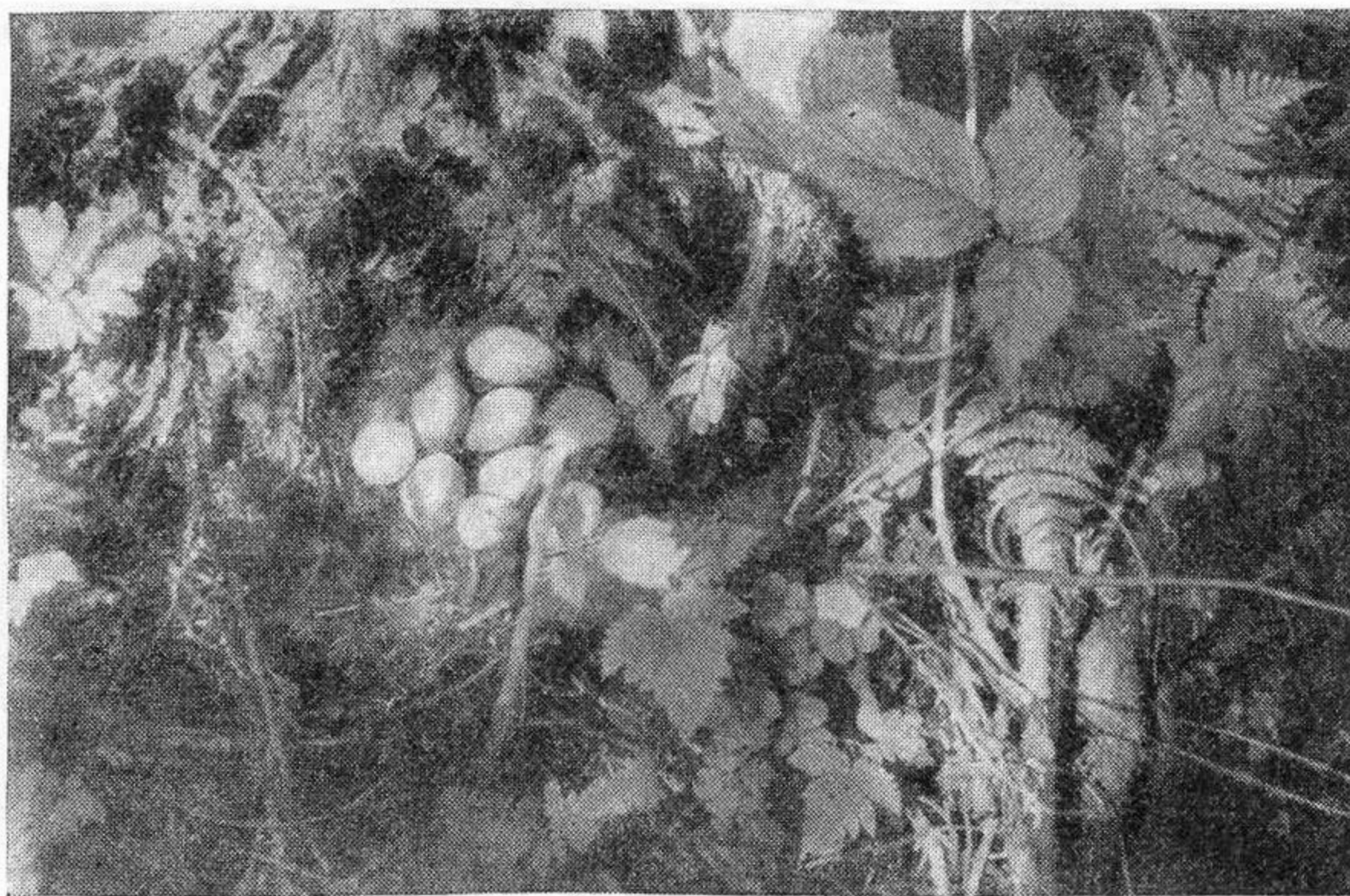

БОЛЬШОЙ АЛЕША

Рост у Алеши метра два и бас такой, что в комнатах он говорит только вполголоса. Попробуйте подберете человеку дело по плечу!

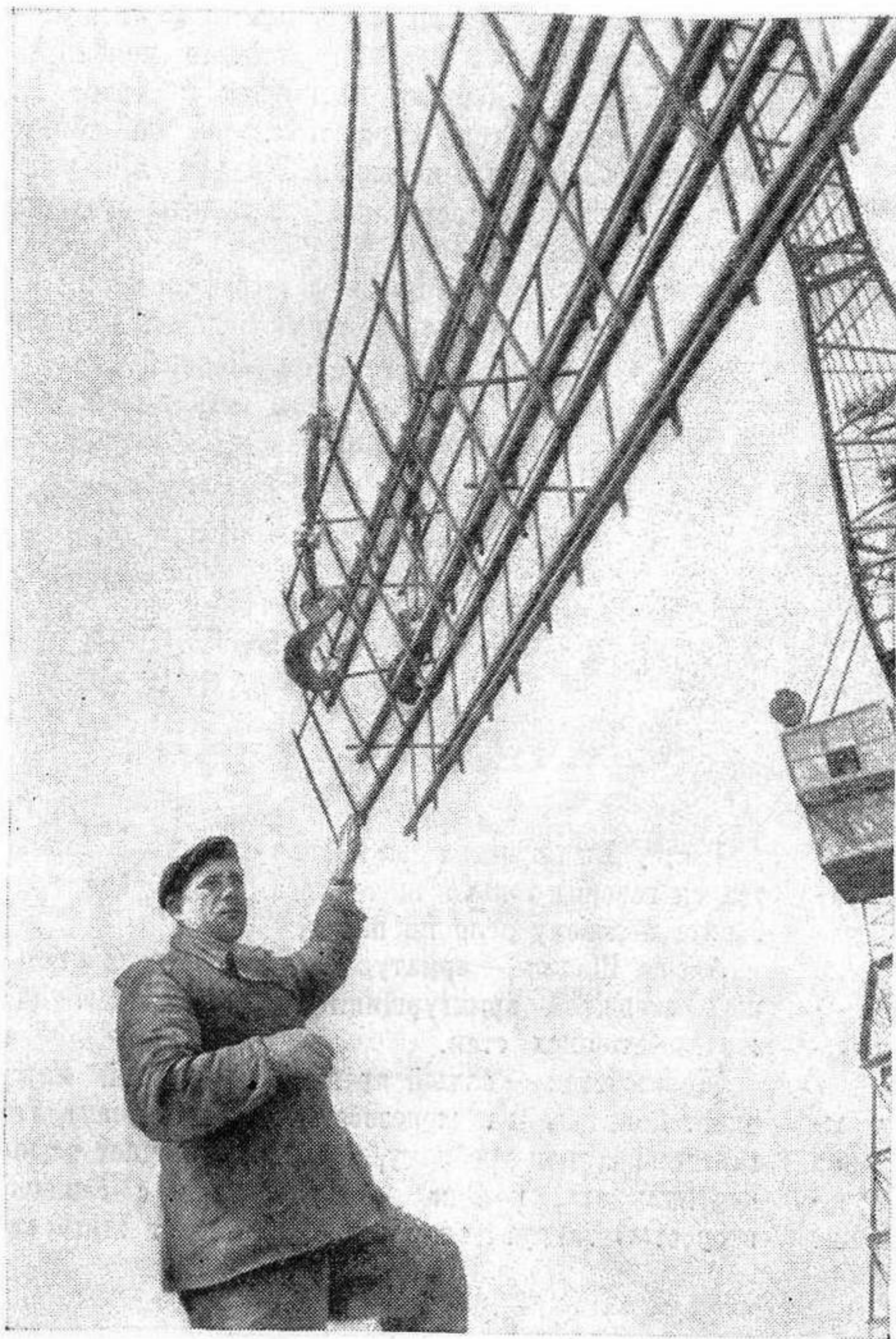
Алеша Шалин — арматурщик. Из длинных стальных стержней арматурщики вяжут каркасы для железобетонных стен.

Железобетон — самый крепкий и упругий материал. Поставят на железобетонный постамент гигантский станок-дробилку, и дробилка начнет камни перемалывать, или на электростанции с бешеной скоростью закрутится ротор турбины, от этого все

Это то самое гнездо рябчиков, рядом с которым встал первый шалаш, а потом первый дом поселка. Снимок был сделан начальником комбината В. Дерягиным, когда первые качканарцы пришли сюда.

— Вира,— говорит Алеша Шалин,— поднимай!

кругом дрожит мелкой дрожью. Или воздвигнут здание в сто метров вышиной — невероятная тяжесть будет давить на стены. От такой тряски, от такого давления кирпич постепенно раскрошится бы. А железобетон выдержит. Вечный материал — железобетон!

Это великолепно — знать, что твоя работа дает зданию путевку на вечную службу людям! Вот Алеша Шалин и вяжет арматуру. Но это только так говорится: «вязать». Стальной стержень не нитка из клубка.

Алеша точно по чертежу режет и гнет на станке стержни, составляет переплетения каркаса.

Сварщик накрепко сварит стальные переплетения, и Алеша с другими арматурщиками начинает монтировать остов стены.

Стоит Алеша рядом с подъемным краном, большой человечине в рабочей робе. Махнет рукой, пробасит уже во весь свой голос: «Вира!», то есть «Под-

нимай!», — и кажется, что кран тут совсем ни при чем, что это вот он, рабочий-богатырь, своими руками сделал и поднял на высоту стальную махину...

Вы сумеете прочесть чертеж архитектора? Не очень хорошо, наверное. Может быть, только разберете, где стена, где комната, где дверь. А когда архитектор составлял чертеж, он представлял себе, как солнце заливает классы школы или как будет расставлена мебель в квартире жилого дома...

Если вы посмотрите на переплетения арматуры, наверное, тоже ничего не поймете. А Большой Алеша вяжет арматуру и видит, каким красавцем станет цех, который он строит.

Самое замечательное дело на земле — строить!

Забот у Алеши много. Большой, громоздкий, он очень аккуратен в движениях, спокоен, нетороплив и от других требует аккуратности, порядка. В клубе подойдет к расшумевшемуся парню и вполбаса попросит:

— Успокойся.

Парень сразу потише:

— Я что? Я ничего...

Попробуй поспорь, когда с тобой говорят таким тихим басом!

На Качканаре строгие правила. Но милиционеров я там так и не видел. Мне сказали, что два милиционера все-таки есть. Они паспорта выдают, пропиской выдают.

А за порядком следят сами комсомольцы, и Алеша Шалин по этой части главный. Он бригадир комсомольского патруля.

РИММА

Из Свердловска они ехали на грузовой машине целый день, и дождь шел тоже весь день. Грузчик отдал Римме свой огромный плащ из брезента, такого жесткого, что, казалось, плащ может стоять в кузове самостоятельно. Сам грузчик сидел на ящике рядом.

Ехала Римма и удивлялась, как это она совсем недавно могла с такой настойчивостью требовать,

чтобы ее послали куда-то на работу, упрямо сидеть в приемной секретаря обкома комсомола. Она даже стукнула ладошкой по столу и тоненько крикнула: «И ничего, что я маленькая! И неправда, что я слабая! Пока меня не пошлете, никуда не уйду! Жить у вас в кабинете стану, пока не пошлете!»

Правда, после этого заплакала и рассказала про свои горести: всегда считалась очень способной, думала, что всего добиться просто, экзамены сдала хорошо... И вдруг не увидела своей фамилии в списках зачисленных в университет.

— Поймите, я не могу прийти домой и сказать, что я человек без дела!..

Она твердо решила ехать работать. На самую дальнюю стройку. Пусть пошлют в Иркутск, туда из Свердловска уехали знакомые девочки.

Секретарь сказал, что на качканарской стройке открыли школу и там еще нет пионервожатой. Римма согласна на такую работу?

Пионерская работа? Пусть пионерская! Ребята Римма любила. Недаром мечтала стать учительницей. Мама два дня плакала и говорила, что на стройке работают всякие люди, дочку там могут обидеть. А отец сказал:

намокли под осенним ливнем. И, наверное, была похожа на матрешку, прикрывающую своим балахоном горячий чайник.

Грузчик что-то напевал, а потом тронул Римму за плечо:

— Сейчас дерево будет особенное, вон там за поворотом сосна, а из дупла у нее осинка растет.

Римма высунула голову из-под капюшона.

Она увидела осеннюю золотую тайгу; могучая густо-зеленая хвоя оттеняла желтизну и багрянец лиственных крон, увидела сосну, из дупла которой, как стрелка, вытянулось молодое деревце с жесткими красными листочками.

Потом по дороге в кузов подсел пассажир, шофер с Качканара, и тут же стал говорить про тайгу, какая она красивая.

И Римме стало радостно, что люди, с которыми ей придется работать, так умеют видеть красоту и так любят ее.

А попутчики спрашивали, как это она решилась променять на Качканар жизнь в большом и хорошем городе Свердловске, и рассказывали, какие замечательные массовки устраивают качканарцы по воскресеньям в тайге.

Выйдешь из школы, добежишь до конца улицы — и ты в тайге.

— Что ж, решила так решила. Не хлебнула горя — поезжай, попробуй...

Дорога была дальняя. Дождь все лил и лил. Римма не просунула рук в рукава плаща и все старалась удержать при тряске под плащом связанные веревками стопки любимых своих книг, чтобы книги не

На первом увиденном доме Качканарстроя висел плакат:

Комсомолец, стой!
Рацпредложение за тобой!

На соседнем доме другой плакат тоже обращался к комсомольцам. Поселок был изрыт траншеями.

Это Римма Голикова, вожатая юных качканарцев.

В жижу на дно траншей укладывали водопроводные трубы...

Римме показали стену дома, стену первого этажа, сложенную из серых поздраватых шлаковых кирпичей.

— Это будет школа. Большая. Трехэтажная. Замечательная.

А пока школа помещалась в доме, построенном для общежития. Она была маленькой: и ребят немного, и места маловато... Вся жизнь только началась.

И Римма начала свою новую жизнь:

Она еще мало что умела. И осложнения, которые то и дело возникали в вопросах самых крохотных, удивляли ее, казались неожиданными.

В Качканар люди переезжали без лишнего багажа. Здесь ни у кого не было тех привычных и на первый взгляд даже лишних предметов, которые иногда оказываются очень и очень нужными. Чтобы достать журнальные картинки для стенда к сорокалетию комсомола, приходилось буквально обходить весь поселок, каждый дом, каждую комнату. Трудно было найти лоскутки и пластилин для кукольного театра. Пришлось написать подруге. Пластилин ей прислали из Свердловска.

И четвертый класс поставил свой первый спектакль — сказку.

Римме хотелось, чтобы в ребячьей жизни было больше значительных, торжественных минут. Первоклассников принимали в октябрятскую группу. Пионеры сами сделали для них звездочки. Старшие девочки заранее пришили пуговицы на белые ру-

башки и кофточки принаряженных малышей, а у звезд были сделаны петельки. И пионеры торжественно пристегивали эти звездочки октябряткам...

Самое главное в здешней жизни было то, что все люди старались помочь друг другу чем только можно. Старожилы радушно встречали вновь приехавших, помогали поскорее обжиться на новом месте. Опытные рабочие обучали вчерашних десятиклассников строительным профессиям.

В первые дни в школу часто приходил секретарь обкома комсомола, он как раз приехал тогда на Качканар. Секретарь терпеливо объяснял Римме, как, с чего начинать пионервожатой свое дело. Помогали учителя. Монтер со строительства, демобилизованный офицер Юрий Антонович, придумал военную игру. Рабочие подарили школьникам столярные инструменты (обрезков досок со стройки хоть отбавляй!).

Столяры учили ребят действовать пилой и рубанком...

А какими были походы! В городе трудно представить, что можно после уроков вдруг собраться, побежать в тайгу (тайга-то в конце улицы!) и искать следы рыси, которые ранним утром увидел на первом снежку страстный охотник монтер Юрий Антонович...

Римма временно преподавала физкультуру. Своих лыж у нее тогда не было. Она объясняла ребятам, как правильно дышать, как работать руками и ногами при попеременной ходьбе, как подниматься «елочкой». Объясняла, смотрела, поправляла.

Патрушев из пятого класса спросил ехидненько:

— Римма Николаевна! Вы сами-то кататься умеете?

— Да. Только лыж нет.

— А вы на моих...

Римма стала на лыжи. Они были коротковаты. Мелькнуло: «Вдруг оскандалюсь? За всю зиму ни разу не ходила на лыжах!» Оттолкнулась. Покатила по склону горы. Руки и ноги вдруг все вспомнили. Лихо развернулась и пошла вверх «елочкой».

К Римме подбежал маленький, совершенно зазябший первоклассник Сережа Мальцев:

— Ой, хорошо! А я все стоял и думал: «Хоть бы не упала, хоть бы не упала!..»

Добрые дети вырастают среди хороших, добрых людей. И только очень хорошие, добрые люди идут на большое и трудное дело, такое, как Качканар.

Римме верится, что маленькие качканарцы вырастут такими же, как те замечательные люди, что пришли в этот край и разбудили его.

У подушек лежат полотенца, сложенные аккуратными треугольничками. Здесь живут комсомольцы, приехавшие на стройку из армии.

Я пришел не вовремя. Грант собрался на работу. В ватнике он выглядит неуклюжим, квадратным: низкого роста, а плечи широкие, и ватник тесен. И ушанка не к лицу: южные карие глаза, крупный нос, смоляные жесткие волосы. Ему бы папаху из белого барашка!

Я спрашиваю:

— Грант, вы с Кавказа? Как вы сюда попали?

Он сначала смотрит удивленно. Потом вдруг расплывается в улыбке:

— Сам не знаю, как получилось! Я на Урале солдатом служил. Мы сюда приезжали. Видели, какое дело здесь начиналось...

Откуда я? Из Нагорного Карабаха. Там мама, там братья, там я еще до армии шофером работал. Ждали меня, пока служил... Потом демобилизовался. Домой с Урала поехал, конечно, домой. Встретили меня. Такую встречу устроили, как на Кавказе полагаются. И я рад. Домой вернулся. Всех увидел...

Дома я. День прошел. Еще прошел. Вдруг не могу: начинаю тосковать. Качканар перед глазами.

Думаю, там у людей большое дело. Какая красота — такое дело! А я буду в своем селе сидеть? Не могу!.. На четвертый день мама подходит: «Грант, милый, может, у тебя там девушка осталась, на Урале, судьба твоя?»

Говорю: «Мама, нет у меня девушки. Но не могу: тоскую. Там, видно, судьба моя!» Через четыре дня обратно поехал. Не мог ни секунды больше ждать.

Хожу здесь, дышу и радуюсь: качканарские дела, качканарский воздух. Мама все думает, что у меня здесь девушка. А у меня нет! Понимаете?

Но сначала мне не повезло. Посадили меня на продуктовую машину. Сказали: «Временно». Два месяца хлеб, крупу возил. Знаю, что нужно. Самому ведь тоже есть нужно, но скучно хлеб возить, лучше бетон.

Гена Лыженков в гараже комсомольскую автоколонну организовал. Всем в колонне нужно замечательно работать, сто тысяч километров без ремонта, бензин экономить, шины экономить, в школе учиться. В Качканаре скоро техникум будет, институт вечерний будет. Гена, знаете, какой! О! Он на целине работал. Медаль получил. Сюда приехал. Не пускали, а он добился. «Здесь дело начинать надо, обязательно, — говорит, — хочу новую стройку начинать!»

Прихожу к Лыженкову, говорю: «Гена, запиши меня в комсомольскую автоколонну. Хочу бетон возить». А Гена: «Погоди, Асцатурян. Ты новенький, ты здесь всего два месяца, а нам только десять машин дали, мы в первую очередь старых качканарцев возьмем».

«Гена, — говорю, — ничего не понимаешь! Я из Нагорного Карабаха ехал Качканар строить. Нельзя меня не взять, такая несправедливость будет! Я кричать на весь Качканар стану, что такая несправедливость! Понимаешь, Гена?»

И, конечно, меня взяли бетон возить. Что вы думаете, я не смогу сто тысяч километров без ремонта? Смогу! Вы не думайте, что это так просто. Здесь не в городе. У нас асфальта нет. У нас тайга и горы. За